

О. Ю. Юрьева

БУНТ ПРОТИВ ТИРАНИИ И ТИРАНИЯ БУНТА В РАССКАЗЕ ДОСТОЕВСКОГО «КРОТКАЯ»*

Традиционная точка зрения на конфликт рассказа Достоевского «Кроткая» имеет сугубо социальный оттенок. Причины самоубийства героини исследователи, как правило, усматривают в том отчаянии, которое овладело героиней под воздействием жизненных обстоятельств, в которые она попадает, выйдя замуж за Закладчика. «Кротость в взрывном сочетании с отчаянием является центральной темой „фантастического рассказа“, написанного под впечатлением злободневного события», — читаем в статье Л. Аллена, полагающего, что судьба Кроткой — это «концентрация мировой несправедливости»¹.

Действительно, сюжет рассказа о бедной сироте, от безысходности вышедшей замуж за ростовщика, располагает к подобным умозаключениям. Действительно и то, что замысел рассказа, помещенного в ноябрьской книжке «Дневника писателя» за 1876 г., сложился под впечатлением от тех событий, которые описаны Достоевским в октябрьской книжке «Дневника», в главках «Несколько заметок о простоте и упрощенности», «Два самоубийства» и «Приговор». Но семантический феномен образов рассказа состоит, на наш взгляд, в том, что восприятие и оценка одних и тех же событий Достоевским-публицистом и Достоевским-художником не совпадают. Размышляя о причинах юношеских самоубийств, Достоевский-публицист видит их в бездумном отношении отцов к вопросам воспитания, полагая, что это основная социальная беда времени — «случайное семейство», выпускающее в мир «случайных людей», «выкидышей обще-

* Доклад прочитан 25 мая 2004 г. на XIX Международной конференции «Достоевский и современность», проходившей в Доме-музее Ф. М. Достоевского в Старой Руссе.

¹ Аллен Л. «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 230.

ства». Не унаследовав от отцов никаких идеалов и стойких убеждений, дети заполняют образовавшийся духовный вакуум чужими «идейками» и суждениями «с чужого голоса», с «всеобщей стремительностью» выносят «приговоры», «чтоб уж не заботиться больше». К чему приводит стремление упростить явления действительности, Достоевский говорит в главке «Два самоубийства»: «Для иного наблюдателя все явления жизни проходят в самой трогательной простоте и до того понятны, что и думать не о чем, смотреть даже не на что и не стоит. Другого же наблюдателя те же самые явления до того иной раз озаботят, что (случается даже нередко) — не в силах, наконец, их обобщить и упростить, вытянуть в прямую линию и на том успокоиться, — он прибегает к другого рода упрощению и *просто-запросто* сажает себе пулю в лоб, чтоб погасить свой измученный ум вместе со всеми вопросами разом» (23; 144–145).

Рассказывая о «странном и неразгаданном самоубийстве» дочери А. И. Герцена, Достоевский характеризует его как «вызов, может быть, негодование, злобу» и заключает, что «просто грубые натуры истребляют себя самоубийством лишь от материальной, видимой, внешней причины» (23; 145), но другие натуры, более глубокие и ранимые, — «судьи и отрицатели жизни», протестуют против «тирании косной причины, с которой нельзя помириться»: «тут слышится душа именно возмущившаяся против «прямолинейности» явлений, не вынесшая этой прямолинейности» (Там же). Особенно значимым представляется заключение Достоевского о том, что эта „прямолинейность“ была привита девушке «в доме отца еще с детства», из которого она вынесла «холодный мрак и скуку», страдание «животное и безответное», и она умерла, когда «просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху не достало», когда «душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного...» (23; 146).

Другое самоубийство поразило Достоевского не менее: «выбросилась из окна, из четвертого этажа, одна бедная молодая девушка, швея». Официальная версия самоубийства: «потому что никак не могла приискать себе для пропитания работы». Поразил Достоевского и тот факт, что «выбросилась она и упала на землю, *держа в руках образ*. Этот образ в руках — странная и неслыханная еще в самоубийстве черта!» Именно образ в руках убившей себя девушки заставил Достоевского характеризовать это самоубийство как «кроткое, смиренное» (23; 146). В этом самоубийстве писатель не видит «никакого ропота или попрека: просто — стало нельзя жить, „Бог не захотел“ и — умерла, помолившись» (Там же). Эти два самоубийства поразили писателя отражением в них разности натур: «какие, однако же, два разные создания, точно обе с двух разных планет! И какие две разные смерти! А которая из этих душ больше мучилась на земле, если только приличен и позволителен такой праздный вопрос» (Там же).

Следующая главка — «Приговор» — дополняет размышления Достоевского еще одним штрихом — рассуждением «одного самоубийцы *от скуки*, разумеется, матерьялиста» (23; 146), завершающимся словами:

«А так как природу я истребить не могу, то и истребляю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого» (23; 148).

Итак, перед нами точка зрения человека и публициста, пытающегося не только осмыслить и понять причины, толкнувшие к самоубийству молодых людей, но и явно сочувствующего той, которая, как ему представляется, совершила «кроткое, смиренное самоубийство». Два другие самоубийства оценены явно как протестные, это выражение бунта — против «прямолинейности» жизни и «тирании». Обратим внимание на слово «тирания», многозначность которого заявлена в отсутствующих пояснениях — чья тирания? Это понятие тотально: тирания близких, тирания судьбы, даже тирания Бога, то есть тирания понимается как насилие над волей личности, над свободой ее волеизъявлений.

Позже, пытаясь найти «формулу самоубийц», размышляя о причинах, толкающих человека на последний шаг, Достоевский предполагает, что все зависит от «натуры» человека: «Просто грубые натуры истребляют себя самоубийством лишь от материальной, видимой, внешней причины» («Два самоубийства»). Натуры «благоговеющие», чувствительные, восприимчивые, ранимые подвержены другой беде. К самоубийству их зачастую толкает «падение человеческого духа», когда зло, овладев существом человека, «связывает каждое движение его, парализует всякую силу сопротивления, всякую мысль, всякую охоту борьбы с мраком, падающим на душу и сознательно, излюбленно, со страстью отмщения принимаемым душой вместо света» (25; 202). Это зло может принимать различные формы, но воздействие разнообразных его эманаций на душу и сознание человека всегда разрушительно, если нет внутренних, духовных сил противостоять им. Роковая минута наступает в жизни каждого человека, и тогда только сила духа и глубина веры может спасти от полета в пропасть небытия. Если же вера в душе ослабла, человек становится самым страшным преступником — самоубийцей.

Все эти размышления Достоевского—публициста, несомненно, нашли свое отражение в сложном художественном сплаве «фантастического» рассказа «Кроткая»; изменились лишь акценты, позволяющие нам говорить о некоем внутреннем антагонизме между суждениями Достоевского—публициста и Достоевского—художника. Первый представляет самоубийцу как жертву, второй — как палача. Причем не только в отношении себя самого. В «случае Кроткой» представлен сложный синтез самоубийств, проанализированных в главах «Дневника писателя».

Название рассказа — «Кроткая» — как бы определяет основную характеристическую черту героини и явственно провоцирует читателя на особое к ней отношение, основной краской в котором становится сочувствие, рождающее желание не только понять, но и оправдать поступки героини. Но кротость исключает бунт, являющийся доминантной подосновой любого самоубийства. Ведь в метатексте Достоевского самоубийство всегда трактуется как вызов, как бунт, как желание «заявить себя», как проявление «своеволия». Самоубийство в мире Достоевского — всегда

бунт; даже если это бунт от отчаяния и безысходности, он не перестает быть бунтом.

Таким образом, самоубийство Кроткой нельзя свести к какой-то одной, определенной причине, если его вообще можно объяснить и понять до конца, как любое человеческое самоуничтожение. В этом самоубийстве есть все: и отчаяние, и бессилие, и нежелание смириться с «тиранией обстоятельств», и усталость, и месть, и нежелание нести далее крест нравственных мучений, и страх перед будущей супружеской жизнью, есть также и нечто, что делает эту смерть своеобразным, пусть и не совсем осознанным, вызовом — обществу, мужу, людям, судьбе и даже Богу, что делает это самоубийство бунтом — бунтом против «тирании» во всех ее проявлениях.

С другой стороны, мотив бунта не может прояснить стремительности, неожиданности и контекстуальной неоправданности последнего шага Кроткой, выбрасывающейся из окна. Почему он сделан в тот момент, когда бунтовать уже не было смысла, когда тот, кого она полагала средоточием зла и тирании, смиренно лежал у ее ног и почти униженно молил о любви и внимании? Думается, что причины, толкнувшие Кроткую к самоубийству, кроются в двойственности, противоречивости ее «натуры», на которую исследователи не обратили внимания, но которая проявляется на всех характеристических уровнях. Она — не только и не столько жертва, сколько тиран, и под ее тиранию подпадает не только она сама, но и муж, искренне полагающий ее «тираном души» своей.

Заменяющее имя характерологическое определение — Кроткая — обуславливает модус *внешнего* поведения героини, но является прямой антитезой многим проявлениям ее внутреннего «Я». Сравним семантический ареал определения «кроткий» с характеристическими признаками героини. В. Даль характеризует кроткого человека как тихого, скромного, смиренного, любящего, снисходительного, не вспыльчивого, не гневливого, многотерпеливого, ровного, доброжелательного. Нетрудно заметить, что это определение «кротости» в какой-то степени определяет внешнюю характеристическую атрибутику Кроткой, но более соответствует внутренним, скрытым, подавляемым извне и изнутри ресурсам ее натуры. В основном же все внешние проявления Кроткой в той или иной степени имеют «обратный» по отношению к ее истинной сущности смысл. Закладчик очень точно характеризует сущность этого противоречия: «...она была совсем не в своем характере, можно даже сказать — в обратном характере; являлось существо буйное, нападающее, не могу сказать, бесстыдное, но беспорядочное и само ищущее смятения. Напрашивающееся на смятение. Кротость, однако, мешала» (24; 18). Главную черту натуры Кроткой рассказчик определяет как «СИНТЕЗ», имея в виду причудливое соединение, казалось бы, несовместимых качеств и свойств, которые могут быть представлены в следующих оппозициях: «существо буйное» / «мешковатая», «тихая»; «существо бесстыдное» / «как будто конфузилась»; ненависть («я ей становился поган», «ненависть ко мне, напускная и порывистая» / любовь

(«бросилась ко мне с любовью», «любить так всецело любить», «не захотела обманываться полуплюбовью»); «это был зверь, это был припадок, это был зверь а припадке» / «она была добра и кротка»; «едкая насмешка, в которой было, впрочем, много невинного» (24; 9). Но в характере Кроткой нет того, что Даль определяет как смирение, снисходительность, невспыльчивость, негневливость, многотерпеливость. Напротив, Кроткая горда (24; 12), имеет «дерзкий вид», порывы ее «болезненные и истерические» (24; 15), смотрит «с торжественным и суровым вызовом» (24; 20). Мало снисходительности и в ее насмешках, вызовах и «злобном смехе» (24; 18). Абсолютной антитезой снисходительности и покорности является тот огонь, который полыхает внутри существа, казалось бы, самой судьбой предназначенного к унижительному и покорному существованию. Этот огонь прорывается во взгляде, зафиксированном писателем уже при первом знакомстве с героиней. Четырежды повторенное «вспыхнула» (24; 7, 8, 9) в сочетании с дважды «загоревшимися» глазами с добавлением «едкой насмешки» и «насмешливой складки» губ (24; 9) не оставляют сомнения: перед нами натура страстная, скрытная, непокорная, обуреваемая гордыней, которую вынуждена скрывать под маской кротости. Этот «синтез» сразу отметил герой, воспринявший ее покорность как «бунт» (24; 7). Отсюда — естественно возникшее желание этот «бунт» подавить, подчинить ее себе, заставить, чтоб стояло перед ним «в мольбе» это странное, преисполненное непонятно на чем основанной гордости юное существо. Если учесть, что в литературном портрете самыми «говорящими» деталями являются глаза и улыбка, а у Достоевского еще и система жестов и мимика, то следует заметить, насколько точно они характеризуют антагонизм между именем-обозначением и сущностью характера героини. Улыбка Кроткой — «недоверчивая, молчаливая, нехорошая» (24; 14), «порывы болезненные, истерические» (24; 15), смех «злобный» (24; 18).

Самоуничтожительная двойственность является главным атрибутом характера Кроткой и главной ее бедой: «Когда этакая забуйствует, то хотя бы и перескочила меру, а всё видно, что она сама себя только ломит, сама себя подгоняет и что с целомудрием и стыдом своим ей самой справиться невозможно. Оттого-то этикие и выскакивают порой слишком уж не в мерку, так что не веришь собственному наблюдающему уму. Привычная же к разврату душа, напротив, всегда смягчит, сделает гаже, но в виде порядка и приличия, который над вами же имеет претензию превосходствовать» (24; 18).

Поведенческий модус Кроткой определяется постоянным столкновением кротости и дерзости: «Да, это кроткое лицо становилось всё дерзче и дерзче» (24; 15), «эта прелесть, эта кроткая, это небо — она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель!» (24; 16), «эта наивная, кроткая, эта малословесная» знает «насмешки, наивнейший хохот и святое презрение добродетели к пороку», простодушие соединяется с остротой и блеском «слов и маленьких словечек» (24; 18), в «едкой насмешке» «было,

впрочем, много невинного» (24; 9), высокомерие и гордыня не исключают «стремления к высшему и благородному» (24; 10).

Конфликт рассказа «Кроткая» лежит вне социальной плоскости. Это конфликт, столкновение, поединок двух натур, схожих и разных, скрытых, страстных и обуреваемых гордыней, пораженных идеей.

В характере Закладчика — та же двойственность.

«Закладчиком» называет себя сам герой. А между тем «закладчик» — это человек, «положивший что в заклад, в обеспечение». Второе значение по Далю: тот, кто «бьется об заклад, держит заклад, спорит об заклад». В литературе о Достоевском героя называют то Закладчик, то Ростовщик. Действительно, по роду занятий он является ростовщиком, но почему сам определяет себя «закладчиком»? С одной стороны, потому, что «всю жизнь ненавидел эту кассу ссуд» (24; 11), а следовательно, чувствовал себя ее заложником-закладом, с другой — потому, что понимает: всецело охваченный идеей, подчинивший ей всю свою жизнь, «великодушнейший из людей стал закладчиком» (24; 16), «заложил» ей себя, свою душу и свою жизнь и стал «закладником» — тем, «кто сам заложился», стал «закладным», «кабальным рабом», «холопом кабальником» своей идеей «мести обществу» (24; 11). Вот так: по жизни Ростовщик, по судьбе — Закладчик.

Идею и цель своей жизни Закладчик сформулировал очень четко: «Да, я имел право захотеть себя тогда обеспечить и открыть эту кассу: „Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня с презрительным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь. Теперь я, стало быть, вправе был оградиться от вас стеной, собрать эти тридцать тысяч рублей и окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках, в своем имении, купленном на эти тридцать тысяч, а главное, вдали от всех вас, но без злобы на вас, с идеалом в душе, с любимой у сердца женщиной, с семьей, если Бог пошлет, и — помогая окрестным поселянам“» (24; 16). Заметим, что идеал, нарисованный героем, не просто моделирует архетип рая, но содержит все ценностно важные категории полноценной человеческой жизни: любовь, семья и социально значимая деятельность.

В образах Закладчика и Кроткой ярко проявилась идея Достоевского о «внутреннем человеке», сущность характера которого не совпадает с проявлениями человека «внешнего». За внешней сдержанностью, «воспитанностью» Закладчика — глубоко несчастное, израненное существо, придавленное идеей мести, «корчащееся» под ее тяжестью и мучающееся. Понимание, любовь, сочувствие соединяются в нем с холодностью, доходящей до равнодушия, а упорство в достижении цели превращается в маниакальное упрямство.

Роковая ошибка Закладчика, осознанная им слишком поздно, состояла в том, что свои взаимоотношения с Кроткой он построил не на основе тех чувств, что испытывал к ней с самого начала: «Разве не любил я ее даже тогда уже?» (24; 12), — а на основе своей идеи и обосновывающей ее теории. Главная, опорная идея Закладчика в устройстве взаимоотношений

с Кроткой — в ответ на любовь и «очаровательный лепет невинности», с которым Кроткая попыталась поведать ему свою жизнь, герой «всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой». «Вот в том-то и была моя идея. На восторги я отвечал молчанием...» (24; 13), — чтобы показать девушке, какая «разница» между ними и что он — «загадка». На основе этой идеи была разработана целая теория, или, как говорит Закладчик, «система», целью которой стала попытка «привить широкость прямо к сердцу, привить к сердечному взгляду», преодолевая свойственные молодежи «великодушие», «порывистость» и отсутствие «терпимости» — «чуть что не так — и презрение» (24; 13), — сетует Закладчик. Так герой распределяет роли: он — строгий воспитатель, она — послушная воспитуемая, благодарная ему за то, «из какой грязи он ее вытащил» (24; 12). Особенно же «пленило» героя сладостное «ощущение неравенства», своего превосходства над существом, по своей природе явно его превосходящим. План его был «ясен как небо»: «Суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает молча» (24; 16). И, догадавшись об этом страдании, Кроткая должна была бы оценить «вдесятеро» и пасть «в прах, сложа в мольбе руки» (24; 16–17).

Главным инструментом воздействия герой избирает молчание — с самого начала. Закладчик как «мастер молча говорить», проживший «сам с собою целые трагедии молча» (14), мастерски использует психологическую амбивалентность феномена молчания. С одной стороны, молчание в общении двух людей свидетельствует о близости, когда молчать вместе так же легко, как и говорить. С другой, молчание становится страшным психологическим оружием, когда им наказывается человек, не чувствующий своей вины и не понимающий, чего от него хотят. «Молча ходили и молча возвращались. Почему, почему мы с самого начала принялись молчать? Сначала ведь ссор не было, а тоже молчание. Она всё как-то, помню, тогда исподтишка на меня глядела; я, как заметил это, и усилил молчание. Правда, это я на молчание напер, а не она» (24; 15). Молчание превращается в нравственную пытку, и вместо сближения происходит отталкивание, разобщение, как окажется — окончательное и непреодолимое. И потому «было молчание и — всё больше и больше дерзкий вид с ее стороны» (24; 15). «Я все молчал, и особенно, особенно с ней молчал, до самого вчерашнего дня, — почему молчал? А как гордый человек. Я хотел, чтобы она узнала сама, без меня, но уже не по рассказам подлецов, а чтобы *сама* догадалась об этом человеке и постигла его!» (24; 14), — с горечью признается Закладчик. Свою жизнь герой понимает как подвиг — «великодушный, трудный, тихий, неслышный, без блеску, с клеветой, где много жертвы и ни капли славы», где он, «сияющий человек», «выставлен подлецом», тогда как «честнее всех людей на земле» (Там же) и искренне жаждет, чтобы дорогое ему существо оценило этот подвиг по достоинству. Но сказать об этом прямо не позволяла гордыня: «...а я, так сказать, действовал гордостью, говорил почти молча», молчал, «как гордый чело-

век», «я всегда был горд, я всегда хотел или всего, или ничего!» (Там же). И уже сломленный, герой упорствует: «Смелей, человек, и будь горд! Не ты виноват!..» (24; 17).

Взаимоотношения героев сразу превращаются в поединок. Мотив поединка, дуэли становится организующим центром рассказа. По дуэльной модели строятся не только взаимоотношения героев друг с другом, но и их взаимоотношения с миром. Жизненная драма героя связана с отказом выйти на дуэль, после чего его по приговору офицерского суда чести «попросили из полка удалиться» (24; 18). Как поединок строит свои отношения с миром обиженный герой, жаждущий реванша: «Я был выброшен всеми, выброшен и забыт, и никто-то, никто-то этого не знает!» (24; 14). В «поединке» «женщины благороднейшей и возвышенной с светской, тупой тварью, с пресмыкающейся душой» превращается и свидание Кроткой с офицером Ефимовичем. В дуэль, в роковой поединок превращаются отношения Кроткой и Закладчика. «„Бунт и независимость“ — вот что было, только она не умела» (24; 15). Вопреки воле мужа «вздумала выдавать деньги по-своему», а когда он упрекнул ее, «захохотала мне в лицо и вышла из квартиры» (24; 17), нарушив условие никуда не выходить одна. Таким образом, поединок между героями складывается в условиях «перманентного бунта», которым определяется жизнь каждого из них. У каждого героя — свой бунт. Бунтует против всего света Закладчик, обиженный и отвергнутый им. Бунтует Кроткая, выражая свой протест против тирании судьбы и мужа.

Кроткая приходит к обоим полюсам бунта: к убийству и самоубийству. Попытка Кроткой убить мужа — своеобразный поединок двух гордынь. Ощутивший холод револьверного дула около виска герой признается, что в тот момент не имел «ни малейшей надежды» на спасение, «кроме разве одного шанса из ста» (24; 21). Таким образом, убийство превращалось еще и в самоубийство человека, который не захотел спасти свою жизнь, ставшую ему не нужной «после револьвера, поднятого на него обожаемым им существом». Он ясно, «всей силой своего существа» сознавал, что между ним и женой «в это самое мгновение идет борьба, страшный поединок на жизнь и смерть, поединок вот того самого вчерашнего труса, выгнанного за трусость товарищами» (Там же). Ради мгновенного ощущения превосходства, осознания того, что «я уже раздавил ее моею готовностью принять смерть», Закладчик действительно был готов умереть. В этом поединке победу одержал он — «и она была навеки побеждена!»

Так, по крайней мере, мнилось ему. Но в том-то и феномен гордой личности, что любое поражение она пытается превратить в победу — даже ценой собственной жизни. Для того чтобы каждому преодолеть свой комплекс (унизительное изгнание из полка — у него; «бесприданное» замужество от безысходности — у нее), им и нужна была эта победа. Попытка убийства стала как бы предтечей последующего потом самоубийства Кроткой — и потому, что в тот момент она переступила через главней-

шую заповедь «не убий», и потому, что ощущение нравственного превосходства мужа было для нее нестерпимо.

И в силу этой, когда муж лелеял «идею об ее унижении» (24; 25), она жила гордым осознанием своего духовного и умственного превосходства. Это был «роковой поединок» «на жизнь и смерть», то есть дуэль, в которой в живых должен был остаться только кто-то один. Как это ни парадоксально, но именно так складываются отношения двух любящих друг друга людей, обуруваемых гордыней. Он — с «отупевшей душой» и «бесовской гордостью» (24; 26) или попросту находящийся вне своей души (24; 27); она — подавленная сознанием своего преступного, но не осуществленного замысла и его молчаливым выражением превосходства и победы.

Это конфликт двух эгоистических, даже эгоцентрических натур, в душах которых христианские добродетели вытеснены обидой и гордыней.

Для Кроткой более предпочтительным было положение жены, униженной и оскорбляемой попреками постылого мужа. Но после страстного порыва мужа, его отчаянных признаний, «что он ее любит, что он не встанет» с колен, что он согласен «целовать её платье» и «всю жизнь на нее молиться», она испытала целый комплекс различных ощущений: «Испуг и удивление сменились в ней вдруг какою-то озабоченной мыслью, чрезвычайным вопросом, и она странно смотрела на меня, дико даже, она хотела что-то поскорее понять и улыбнулась» (24; 28). «Страшный припадок истерики», случившийся с героиней, показывает, насколько сильно было ее потрясение, насколько тяжелой была для нее одна только мысль о том, что муж оказался не совсем таким человеком, которого она придумала для себя и которого тихо и молча презирала.

«А я думала, что вы меня оставите так» (Там же) — в этих поистине роковых словах кроется разгадка самоубийства Кроткой: оставить «так» — значит позволить наслаждаться «личной идеей самобичевания и самовосхваления» (24; 30), значит пребывать в гордом одиночестве.

Шаг от любви до ненависти Кроткая совершила, шагнуть от ненависти к любви не смогла — гордыня не позволила: ответить на чувства мужа для Кроткой действительно означало бы полное и окончательное поражение. «Испугалась любви моей, спросила себя серьезно: принять или не принять, и не вынесла вопроса, и лучше умерла» (24; 31).

Обращают на себя внимание некоторые детали, опровергающие версию о Кроткой как жертве тирании мужа.

«Пелена вдруг упала» с глаз героя, когда он услышал пение жены. «Эта новость произвела на меня потрясающее впечатление, да и до сих пор я не понимаю его». «Недоумение и страшное удивление» героя, «страшное и странное, болезненное и почти что мстительное», было вызвано осознанием того, что раз Кроткая поет при нем, значит она про него «забыла». Когда Лукерья подтвердила, что без него Кроткая «иногда поет», Закладчик понял, что все его усилия пробудить в жене сочувствие и понимание привели лишь к тому, что она «успокоилась», «забыла» о его

существовании и вполне безмятежно устроилась в этой жизни на отдельной кровати, «за ширмой», занимаясь своими делами и не думая о муже, о чем говорил ее «беглый и нелюбопытный», «равнодушный» взгляд, каким она встречала его появление (24; 27).

А вспоминая их откровенные разговоры накануне трагедии, Закладчик отмечает еще один поразивший его факт: «...ведь нашла же она, стало быть, столько спокойствия духа и счастья, чтобы смеяться шедевр, когда сидела зимой. Стало быть, уже вполне начала успокаиваться, вполне начала уже верить, что я оставлю ее так» — «она за своим столом, а я за своим, и так мы оба, до шестидесяти лет» (24; 31–32). И когда вдруг оказалось, что муж все-таки есть, «и мужу надо любви», она не захотела с этим смириться, не захотела простить ни ему, ни себе всего, что произошло за зиму.

Но почему же все-таки Кроткая выбросилась, прижав к груди образ? В описанном в «Дневнике» самоубийстве это было признаком кротости и смирения: помолилась и умерла. Но вспомним, в начале рассказа Закладчик, принимая у Кроткой образ, предлагает ей снять с него «серебряную золоченую» ризу, а образ унести и ответ на вызывающее: «а разве вам запрещено?» — ставит образ Богородицы с Младенцем в свой киот, «с другими образами, под лампадку» (24; 8). В этом жесте — неосознанный самим Закладчиком призыв к примирению, к единению, признание «родственности», произошедшее раньше, чем он сделал ей предложение. Замыслив самоубийство, Кроткая рвет все связи, которые возникли между ней и Закладчиком. Если смоделировать тот путь, который прошла Кроткая перед роковым шагом, то становится ясно, что в ее душе была огромна сила гордыни и протеста: она спустилась на первый этаж, сняла с киота образ и отнесла к себе, поставила на стол, но не молилась, а о чем-то мучительно думала. В пересказе Лукерьи последние минуты Кроткой представлены так: «Стоит она у стены, у самого окна, руку приложила к стене, а к руке прижала голову, стоит этак и думает. И так глубоко задумавшись стоит, что и не слыхала, как я стою и смотрю на нее из той комнаты. Вижу я, как будто она улыбается, стоит и думает и улыбается» (24; 33). Трижды повторенный глагол — «думает» и дважды — «улыбается». О чем думала и чему улыбалась в последние мгновения Кроткая? В тексте рассказа улыбка героини, как правило сопровождалась эпитетами «злобная», «насмешливая», «недоверчивая, молчаливая, нехорошая» и т. п., то есть в улыбке Кроткой — дерзкий вызов и бунт, прорывающийся наружу. Улыбалась, думая, как воспримет ее смерть Закладчик, наивно полагающий, что «победил», что подчинил ее себе — если не силой и молчанием, так любовью и откровенными признаниями.

Момент, когда Кроткая так же глубоко «задумалась», был в самом начале их брачных отношений, когда Закладчик делал предложение: «...она тут же у ворот долго думала, прежде чем сказала „да“. Так задумалась, так задумалась <...>

И такое у ней было серьезное личико, такое — что уж тогда бы я мог прочесть!» (24; 12). Задумалась, выбирая «из двух несчастий худшее», то есть «купца», а не Закладчика, «цитирующего Гете». Но все-таки выбрала Закладчика, то есть «лучшее». Задумавшись перед смертью, Кроткая тоже выбирала между «худшим» и «лучшим», и смерть стала для нее «лучшим» выбором, нежели жизнь с Закладчиком. Образ — единственное богатство, которое принесла в дом Закладчика Кроткая, и, уходя, она мстительно забирает с собой то, что было ей и ему особенно дорого, и тем самым еще более ранит мужа.

Вначале она попыталась совершить убийство и тем самым надломилась свою душу, а потом совершила самый страшный для православного христианина грех — самоубийство. Причем в самом акте самоубийства Кроткой кроется страшный вызов — вызов Богу. Выбросившись из окна с образом Богородицы, она выразила свой протест против воли Божией, против мира, им созданного, против судьбы, ей предначертанной.

Вопреки мнению, что смерть Кроткой стала для Закладчика «моментом истины», откровением, катарсисом, точкой, с которой началось его духовное перерождение, возразим, что произошло оно гораздо раньше: когда он услышал ее пение, и эта «надтреснутая, бедненькая, порвавшаяся нотка» «зазвенела» в его душе, и «дух захватывало», и «восторг сиял» в его душе и «пересиливал страх» (24; 27). «Идея мести» и «идея унижения», идея сладкой власти сильного над слабым пали под натиском высвободившегося чувства и породили чувство вины. «О недоразумение, о слепота моя!» (24; 32) — восклицает герой, употребляя слово «недоразумение» в его нерасчлененном смысле — не-до-разумение, то есть «не-до-мыслие».

Смерть Кроткой стала для героя поводом не осознания, а осмысления и анализа своих «роковых ошибок», мучительным поиском ответа на вопрос: «Для чего, зачем умерла эта женщина?» Закладчик выдвигает несколько версий: «недоразумение», «случай», «простой, варварский, косный случай» (24; 34), «косность» (судьба, рок), «слепота» (24; 32), «испугалась любви моей, спросила себя серьезно: принять или не принять, и не вынесла вопроса, и лучше умерла» (24; 33), «несколько обстоятельств совершенно ужасных» (Там же), «слишком чиста», «не захотела обманывать полулюбовью», «мы страшно отвыкли в зиму друг от друга» (24; 34). «Просто от малокровия, от истощения жизненной энергии», «устала она в зиму, вот что» — «измучил я ее — вот что» (Там же). И ни одно из этих предположений не исчерпывало причин, не приносило успокоения и понимания. «Влетела в голову мысль, закружилась и — и не могла устоять перед нею» (Там же) — отсюда уверенность героя: «Приди я за пять минут — и мгновение пронеслось бы мимо, как облако...», «всего только пять минут опоздал» (Там же).

Пережить «страшное мгновение» Кроткой помешала «порывистость», на которую не раз указывал Достоевский как на определяющую черту на-

ционального характера. «Случай», мгновение имеют над человеческой жизнью огромную власть, и очень многое в жизни человека и в мире Достоевского происходит «вдруг».

Но как сложно человеку признать свою вину, тем более, что ответственность за самоубийство необходимо «поделить», и Закладчик от эмоциональных восклицаний «виновата, виновата», пытается найти доказательства виновности Кроткой: «она даже записки не оставила, что вот, дескать, „не вините никого в моей смерти“, как все оставляют» (Там же), подвергая опасности и Лукерью, и мужа. Но Закладчик говорит об этом еще и потому, что записка хоть как-то могла бы прояснить для него мучительно непонятный поступок Кроткой. Но такой записки героиня оставить не могла: она своей смертью всех «винила» и наказывала: и его, и мир, и Бога, совершив самоубийство, отвергая «всякую охоту борьбы со мраком, падающим на душу и сознательно, излюбленно, со страстью отмщения принимаемым душой вместо света» (25; 202).

Самоубийство Кроткой — бунт еще и потому, что оно стало продолжением, но не окончанием поединка. Последние слова мужа Кроткой: «Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?» (24; 35) — явственно указывают на то, что жизнь для него утратила смысл, так как идея его оказалась нереализованной, недоказанной. «...что ж я буду?» — Не «делать будет», а вообще — «будет», и «будет» ли вообще?